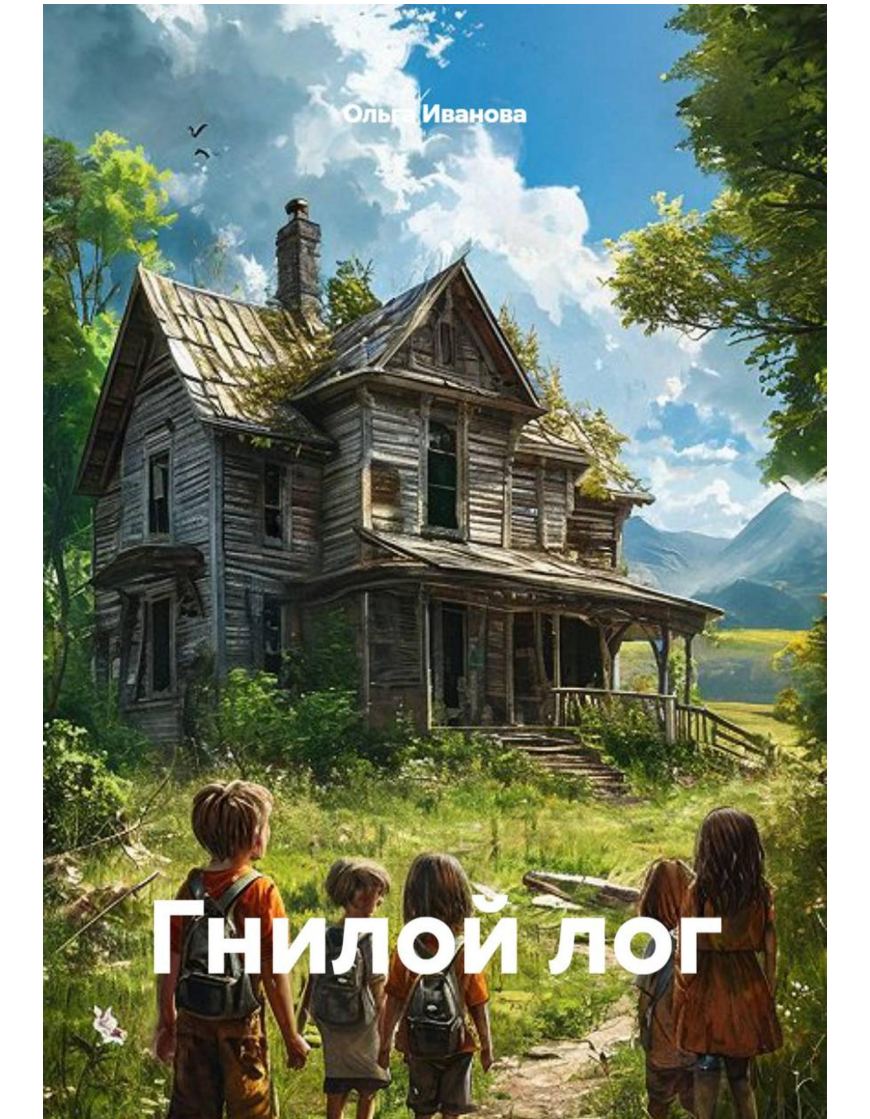

Ольга Иванова

Гнилой лог

Ольга Иванова

Гнилой лог

<https://litres.ru/74410154>

SelfPub; 2026

Аннотация

Их было восемь — неразлучных, отчаянных, готовых идти на край света ради острых ощущений. Детские игры в заброшенных домах переросли во взрослую страсть к неизведанному. Этим летом они находят идеальное место — деревню Гнилой Лог, о которой ходят жуткие легенды. Но никто не ожидал, что приключение, начавшееся как шутка, столкнёт их с настоящим ужасом: здесь ставил опыты безумный учёный, и его открытие всё ещё ждёт новых жертв. Между ними завязываются чувства, вспыхивают ссоры — и всё это на фоне нарастающей угрозы, которая готова поглотить каждого. Смогут ли они спасти друг друга, или прошлое, которое они искали, навсегда заберёт их будущее?

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Ольга Иванова

Гнилой лог

Глава 1

Восьмидесятые. Глубинка РСФСР, около ста вёрст от областного центра. Среди бескрайних полей, где рожь мешалась с полыньёй, и глухих лесов, помнящих ещё партизанские костры, стояла деревня Гнилой Лог. Когда-то здесь гудел трактор и пахло свежим хлебом, но к началу восьмидесятых она практически превратилась в деревню-призрак, коих было немало. Война выкосила мужчин, молодёжь уехала по вербовке на стройки, осталось не так много постоянно жилых изб — летом, правда, приезжали дачники, но зимой становилось особенно тоскливо. Единственным «пришлым» здесь был ссыльный биохимик.

Его выгнали из московского НИИ после доноса лаборантки — за опыты по регенерации тканей на приматах, которые закончились тем, что обезьяны начали жрать собственные конечности. Институт замёл скандал, но дали «волчий билет» и рекомендовали уехать подальше. Он переехал в область на севере страны, купил крайнюю деревянную избу у сельсовета, подвал расширил и превратил в лабораторию. Генератор — от списанного мотоцикла, автоклав — из ста-

рой скороварки, реактивы — по благу через знакомого аптекаря в районном центре. С соседями почти не общался — только здоровался через забор и изредка брал молоко, яйца или мясо. Деревня маленькая, но дружная, чужого принимала нехотя, да и сам изгнанник не сильно стремился к сближению.

Первое время к нему присматривались: старухи крестились ему вслед, деды крутили пальцем у виска, но вскоре привыкли — мало ли чудаков на свете. К тому же он платил за продукты щедро, а по ночам из его подвала доносился лишь тихий гул генератора, не нарушавший деревенского покоя.

Эксперименты. Сначала в ход пошли крысы. Они дохли через три часа после инъекции, раздуваясь и испуская трупный запах — менялась формула, итог был один. Потом кролики: эти жили дольше, но на третьи сутки слепли и впадали в кататонию. Останки сжигались в печи, а пепел закапывался под старым дубом у калитки, который от обилия солей и белка вытянулся ввысь, но так и не зазеленел, стоя голым сухостоем.

Через два года биохимик выписал партию макак-резусов из закрытого питомника — это было сложно, но за годы работы связей накопилось достаточно. Животные сходили с ума, бились головами о клетки, но их раны затягивались за считанные часы. Записи в дневнике множились, одна из них на тот период: «Клеточный метаболизм ускорен в 7 раз. Но

мозг отключается, как ненужный балласт». Тысячи смертей, десятки ампул, и наконец — пятый год экспериментов. Препарат М-44 перестал убивать. Кролики перестали стареть, их шерсть больше не седела, но глаза стекленели, из пастей текла зелёная слизь с запахом болотного газа, а сами они яростно кидались на прутья, словно не видя, а чуя корм. Тогда экспериментатор, движимый уже не наукой, а отчаянием, вколол сыворотку себе в бедро.

Трансформация. Первые сутки — тишина. Проба крови ничего не показала; сидя неподвижно, прислушиваясь к стуку сердца, он раздосадовано скромно поужинал и лёг спать. На вторые сутки кровь стала темнее, под микроскопом незначительно отличалась от пробы первых суток, день прошёл без происшествий. Но на третьи сутки его скрутило спазмом голода. Не привычного желудочного — а глубинного, тканевого, пахнущего железом и сырым мясом. Он съел замороженную домашнюю курицу из холодильника за один присест, но откусив яблоко, которое показалось железным на запах, его вырвало; вода вызывала судороги в пищеводе — организм отторгал всё, кроме животного белка.

На четвёртые сутки исчезла боль. Когда с полки упал огромный том молекулярной биохимии и ребром рассек ему плечо до мышц, биохимик даже не вздрогнул, а лишь с удивлением посмотрел на кровь — она была не алой, а маслянистой, зелёно-чёрной, с вязкой консистенцией. Очередная проба из вены показала субстанцию, напоминающую нефть,

смешанную с болотной жижей, от которой несло тинной. На заживление раны ушло всего шесть часов, но на месте пореза остался тёмный, будто некротический рубец.

Он осознал: мышцы крепчали, слух стал звериным — слышал, как за сто метров в норе шевелится полёвка, а в темноте видел лучше, чем при свете лампы. Но вместе с этим уходило человеческое: он перестал различать лица в зеркале, а запах старого мёда в погребке вызывал у него агрессивное шипение.

Инцидент с коровой. Через месяц он полностью утратил связь с временем. Мясные запасы кончились. Подопытные животные давно были съедены, и дуб больше не получал своей жертвенной подкормки. Помня, что у старого знакомого фермера есть тёлка-трёхлетка, он завёл мотоцикл и проехал десять вёрст. Фермер, глядя на его чёрные губы и ввалившиеся глаза, испугался и отдал скотину за полцены, лишь бы тот убрался. Изгнанник привёл тёлку в свой пустой сарай, но сил заколоть её не осталось — потерял сознание прямо на пороге.

Очнулся он от запаха. Корова лежала мёртвая, видимо, от сердечного приступа, испуганная его видом. Внутри взорвалась такая пустота, что он не вспомнил ни ножа, ни правил гигиены. Он вгрызся зубами в тёплую тушу прямо на соломе, вырывая куски мяса, глотал их почти не жуя, чувствуя только одно — как уходит жгучая, высасывающая пустота. Позже в дневнике он напишет: «Я ел как зверь. Нет — как живой

труп, который боится, что без плоти рассыплется в прах».

Осознание. Через неделю он бросил неосторожный взгляд на себя в зеркало. Из мутного, засиженного мухами стекла смотрело нечто: впавшие глазницы с жёлтыми белками, веки без ресниц, чёрные запёкшиеся губы, пальцы, навечно испачканные в чёрной жиже, которую не смывал даже керосин. Он провёл рукой по лицу и ощутил, что кожа стала холодной и липкой, как у амфибии.

Тогда он понял: «Человек умер в тот день, когда я сделал укол. Осталась лишь оболочка, управляемая инстинктом пожираться». Он спустился в подвал, где на столе всё ещё лежал дневник с формулами и три банки с чёрной субстанцией, законсервированной под машинным маслом. Он привязал ремень к балке, которой когда-то подпирал потолок, и сделал шаг. Тело не дергалось в агонии — оно лишь замерло, и даже в смерти оно не выглядело мёртвым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.